

ТЕФТЕЛЯ

(рассказ-идиллия)

Тефтели шкворчали на сковороде. Марина стояла над плитой и изредка перемешивала их деревянной кухонной лопаткой. Масло шипело и выстреливало обжигающими капельками. Рука всякий раз рефлекторно вздрагивала. Летала просто гигантских размеров муха и бомбардировщиком жужжала над головой. Марина отлепила блузку от тела и подула в вырез. Но дуновение было горячим, не принёсшим желанную свежесть. Капелька пота скатилась по загорелой шее. Душно.

Позвонили в дверь. Марина пошла открывать. Посмотрела в глазок: так и есть, Егор вернулся. Она открыла мужу. Егор протиснулся в тесный полутёмный коридор. Обе руки были заняты пакетами с продуктами. Марина закрыла дверь, прислонив мужа к стене. Она немного задержалась с плохо работающей ручкой от замка.

– У-у, тефтеля, – сказал шуточно Егор опирающейся на него жене.

Марина вовсе не была полной, чмокнула мужа в щёку и отправилась на кухню. Тефтели были готовы. Она переставила сковороду на соседнюю, выключенную, конфорку и перещёлкнула реле на ноль. Запах пробуждал аппетит. В знойную погоду голод по-особенному притупляется и ей приходилось готовить так, чтоб пища была крайне аппетитна. На салаты с зеленью они уже не могли смотреть, да и калории организму всё равно требовались, даже если голод и притуплялся. Муха ползала по стеклу, посверкивая изумрудно-зелёным тельцем и приостанавливаясь, чтоб «помыть» лапки. Марина поискала глазами мухобойку, но не нашла.

Егор вошёл на кухню и водрузил один пакет на табурет, другой – на стол.

– Помогай разбирать, тефтеля.

– Всё купил? – спросила жена, обессиленная от духоты.

– У-у, как пахнет, – сказал Егор и весело глянул на сковороду.

Марина посмотрела в пакет, стоящий на столе, и принялась выставлять продукты.

– Окно открой, – сказал муж, склонившись над вторым пакетом и выуживая пакетики со специями.

Марина затворила форточку и отворила створку рамы. Потрясенная муха вновь жужжала над головами.

– Прибила б её, что ли, – проворчал Егор.

– А, потом, – ответила Марина и полезла в пакет.

Егор вытащил упаковку очищенного картофеля и положил на стол. Столешница за минуту оказалась заполнена покупками: тушёнка, консервированные скумбрия и сайра, филе минтая, куриные голени, мраморная говяжья вырезка, упаковки молока и кефира, четыре стаканчика йогурта, пара упаковок спагетти, по килограмму риса, гречки и манной крупы.

– А дрожжи-то забыл! – сказала Марина.

– Не-а, – сказал Егор и достал пакетик сухих дрожжей из кармашка рубашки. – От сердца, – добавил и полез в холодильник.

– Подвинь там, – сказала Марина. – Квас достань.

Егор поставил на стол бутылку кваса и стал убирать продукты в холодильник. Марина налила кваса в стакан, посмотрела на просвет – рубиновый напиток – сделала два глотка. Лёгкий ветерок подул через окно. Стало свежее. Марина открыла шкафчик и принялась бойко складировать в него крупы, макаронные изделия и консервы. Приправы и дрожжи убрала в отдельную коробочку. Муж аккуратно положил на нижнюю полку упаковку картофеля и закрыл дверцу.

– Поедим? – спросил.

– Ах, да, – сказала Марина, – порежь батона.

Егор собрал пустые пакеты, аккуратно сложил их и убрал в тумбочку в прихожей. Марина допила оставшийся в стакане квас.

– Мне подлей, – сказал Егор и достал батон из закрытой хлебницы. Муха жужжала.

Марина налила квас в тот же стакан и стала доставать тарелки. На обед было пюре с тефтелями и салат из молодых побегов папоротника и свежих шампиньонов с заправкой из соевого соуса и семечек кунжута. Муж облизнулся и выпил

квас. Прохлада протекла по пищеводу и мурашки пробежали по коже. Посвежело, сердце зачастило, разгоняя кровь по жилам.

Марина накрыла на стол. Супруги сели обедать. Закреплённый под потолком телевизор вполголоса вещал о новостях. С улицы доносились обыденные дворовые звуки: выхлоп ковра, завод автомобиля, игра в футбол. Ели молча. Муха предпринимала суицидальные попытки добраться до еды и пикировала на головы. Егор отмахнулся от неё. Марина хихикнула. У соседей сверху что-то свалилось на пол. Лампочка качнулась.

Супруги доели. Егор положил себе добавки. Марина разлила квас и достала из холодильника йогурт. Опять сели.

– Владимирские звонили, – сказала Марина.

– Ага, – сказал муж, тщательно пережёвывая пищу.

– В гости зовут, – сказала и отправила йогурт на чайной ложечке в рот. Клубничный йогурт скрылся за белыми зубами, красный язык облизнул ненакрашенные губы.

– Хорошо, – сказал Егор, прожевав. – Только не сегодня.

Отдохнуть хочется.

– Хорошо, – сказала Марина и продолжила есть десерт. Йогурт ей напомнил медовый месяц, точнее одно из утр, когда она поглощала клубнику со сливками, разложенную на блюде, покоящемся на подносе, а Егор лежал рядом, обнимал её и ничего, абсолютно ничего не происходило, только нежность, какое-то её внутреннее состояние, подобно волнам, накатывало и отступало, накатывало и отступало... Марина отсутствовала в настоящем, и муха воспользовалась случаем. Она спикировала из-под потолка, резанула по уху и упала в стаканчик с йогуртом. Влипла и задрезала крылышками.

– Говорил же, прибей, тефтеля, – заметил Егор и улыбнулся. Он шутливо вздохнул и пододвинул к ней другой стаканчик, а стаканчик с мухой отправил в мусорное ведро. Присел, чтоб расправится с добавкой, и посмотрел на жену.

Тефтеля плакала.

СПРАВИМСЯ!

В 1628 году в так называемом Великомученицком монастыре, что у берега Онежского озера, некий дьяк Порфирий по изъявлению архиепископа Константина составлял перепись имеющихся книг. Настроение у дьяка Порфирия было отвратительное: как раз сегодня должна была прийти Малаша и принести брусничной браги, а он оказывался занят. У дьяка Порфирия текли слюнки при мысли о знатном лакомстве и о Малаше – младшей дочери Гришки Заборольного. Тот хоть и был юродивый, а дочки выросли на загляденье.

Дьяк Порфирий повздыхал-повздыхал и достал из кованого сундука целый ворох грамот. Писаны они были на телячьей коже. Он стал их вносить в список. Разворачивал, по складам читал заголовок, причмокивая слюнявым ртом, всякий раз задумывался на пару мгновений и только после вносил корявой скорописью в список. Одна из рукописей его насторожила, лишь пальцы коснулись её. На пергамене она похожа не была, от чего-то по краям слоилась, будто несколько кож кто-то склеил. Дьяк Порфирий пригляделся, так оно и было. Дьяк Порфирий поскрёб толстым жёлтым ногтём, понюхал, лизнул и пришёл к выводу, что клеили на смолу. Он развернул грамоту и прочитал: «Яз поядеах людие». Вздрогнул.

«Что это?» – подумал он и решил прочитать странную грамоту.

Дверь скрипнула ржавыми петлями, и вошёл настоятель отец Артемий. Был он толст, но выражение лица имел всегда самое постное. Все знали: разговляться отец Артемий любил.

– Это писано не от Бога, – с дрожью в голосе сказал дьяк Порфирий и протянул грамоту.

Отец Артемий глянул на ту одним глазком и поморщился:

– Знаю. Это писано от человека. На исходе двенадцатого века он водил людей на лысую гору. Он устраивал блуд, заставлял поклоняться идолам. Много христианской крови там пролилось. Потом Бог обрушил огонь и серу, и гора ушла под землю.

– Это правильно... случилось, – заметил дьяк Порфирий, качнув головой. – Бесовским пляскам не место на Руси. Но что это за грамота?

– Он описал свои дела. Говорят, всего три листа. Каждому ученику – по листу. Тех поганцев тоже трое было. Двое скрылись, а последнего сожгли, и в пепле нашли этот лист.

– Он не сгорел?

– Грамота не горела в огне, не тонула в воде, не рвалась на куски, не оставалась в земле и всегда тянулась к людям. Она ищет того, кто мог бы стать новым учеником... Было решено хранить её здесь.

Дьяк Порфирий не поверил. Отец Артемий добавил:

– А ты почитай, а потом огоньком можешь...

Дьяк Порфирий стал читать. И чем больше он читал, тем ему становилось всё невыносимей, удушливей, жарче. Перед его очесами вставали страшные картины: невиданный блуд, кровавый алтарь, зловещий Перун, смотрящий на язычников и радостно принимающий жертвы, люди, едящие стариков и младенцев, беременные женщины, которым выкалывали чрева...

Дьяк Порфирий с отвращением выпустил грамоту из рук. Он понял, что писано сие на человеческой коже.

Отец Артемий поднял лист с пола и поднёс пламя свечи. Огонь лизал грамоту, но та не загоралась. Отец Артемий убрал свечу:

– Поверил?

Дьяк Порфирий молчал.

– Забудь о бесах прошлых, – сказал отец Артемий. – Я не просто так зашёл. Тебе надо ехать в город.

– Зачем? А перепись?

– Грамоты подождут, а спасение души нет. Ты дружен с Никиткой. Уговори его. А то у Фёдора нашего лихорадка сильнющая.

Дьяк Порфирий встал:

– Это можно. А что Никитке сказать?

– Поймали мы колдуна одного. Вечером осудим. Не видит он пути истинного. Глаза его обманывают. Надо выколоть. Фёдор мастак, да вот беда – жарит его лихорадка. Бредит, святая душа. Так что поезжай, а я за Фёдора молиться буду.

Они спустились во двор. Дьяк Порфирий залез на телегу, поудобнее устроился на соломе. Отец Артемий сказал: «Ну, с Богом!» – перекрестил и отправился к трапезной, проверять яства на пригодность в пищу. Пахло свежим ржаным хлебом. Дьяк Порфирий облизнулся и сказал: «Трогай!».

Мужик крикнул: «Пошла!»

Завизжали колёса, затрещали оглобли – лошадь потащила телегу. Они выехали за монастырские ворота, и дьяк Порфирий лёг. Телега тряслась, навевая дремоту. С Олежского озера дул тёплый ветер. День стоял солнечный. Дьяк Порфирий заулыбался, вспоминая несгораемую грамоту. «Силён диавол, но справимся, справимся», – подумал он и присел. Навстречу телеге шла девушка. Когда поравнялись, сказал:

– Останови.

Малаша забралась на телегу, и они снова поехали.

– Здравствуй, Малаша, – сказал дьяк Порфирий, забирая у неё крынку. – Брусника? – спросил и, сделав несколько глотков, замочил бороду. – Хороша бражка. Умелица ты.

Малаша улыбаясь потупила глаза. Дьяк Порфирий не спеша допил, убрал крынку в сторону, взворошил солому.

– Езжай, не оглядываясь. Как тебя там?.. Холоп, – сказал он и уложил Малашу. Потом задрал её суконное платье и, накидав сверху на себя соломы, предался блуду.

В 1928 году в так называемом Великомученицком монастыре, что у берега Олежского озера, молодой красноармеец Сивухин проводил ревизию. Он достал из старинного кованого сундука какие-то церковные клеёнки, свёрнутые в трубочки.

Красноармеец Сивухин был очень любопытен. Он даже умел читать. Он развернул одну клеёнку и увидел забавные буквы. Но, как ни старался, прочесть не мог. То ли почерк корявый, то ли не по-русски написано. Насупившись от обиды, он побросал бумаги в жестяное ведро и поджёг.

Сивухин заулыбался, вспоминая то множество церковных книг, которое он сжёг. «Силён бог, но справимся, справимся», – подумал он и стал греть озябшие руки над огнём.

Бумаги сторели. Все. До одной.